

Попрошайничество как (квази)профессия в современной России

Василий Аникин, Роман Соловьев

Попрошайничество как объект исследования

Попрошайничество в современной России стало ярким спутником радикальных реформ 90-х годов XX века, ознаменовав переход отечественной экономики к рыночным преобразованиям. Фундаментальная трансформация рынка труда, распад прежних социальных институтов и разложение ценностных систем, наблюдавшиеся в российском обществе с начала 1990-х годов и не завершившиеся до сих пор, привели к массовой маргинализации населения и распространению экономики уличного уровня [Попова, 1999]¹.

Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта «Идеологии профессионализма в социальном государстве» № 12-05-0007, поддержанного Научным фондом НИУ ВШЭ. Авторы статьи также выражают признательность коллегам, которые на разных этапах работы давали полезные комментарии: П.В. Романову, Е.Р. Ярской-Смирновой, В.К. Антоновой, Р.Н. Абрамову, Д. Присяжнюк, Р. Садыкову.

¹ Не вдаваясь подробно в дискуссию о том, насколько люди, занимающиеся попрошайничеством в современной России, отличаются по своему составу от представителей этой деятельности в советское время или даже в дореволюционной России, обратим внимание главным образом на то, что сегодня до сих пор отсутствует однозначная система статистического учета людей, занимающихся попрошайничеством. Это значительно затрудняет оценки динамики и распространения этого явления в современной России. Сегодня примерная численность людей, занимающихся попрошайничеством в России, – насчитывает около 300 тыс. человек [Butovskaya et al. 2004].

За сломом советской модели всеобщего благосостояния существенно изменилась роль государства в социальной и экономической жизни общества. Основная особенность этих перемен состояла в том, что государство большую часть прежних забот делегировало рынку, который в условиях торгового капитализма (В. Зомбарт) подчинил социальные отношения краткосрочным целям и монетарной эффективности. Сегодня российские власти предпринимают попытки выправить ситуацию, озвучивая долгосрочные цели в рамках масштабного проекта модернизации страны и перехода к инновационной экономике. Все это невозможно без комплексной программы социального развития, то есть выполнения государством своих обязательств в рамках провозглашенного в Конституции РФ определения России как «социального государства». Для этого должно быть выработано определенное видение попрошайничества как особого рода деятельности, который существует в системе с другими профессиональными группами.

Значительная доля «низов» по отношению ко всему обществу существует пока по принципу «отрезал и забыл», подчиняясь институтам и организациям неформальной экономики [Рябчук, 2008; Гимпельсон, 2002; Капелюшников, 2004] уличного уровня [Dean, 1999], и реже – на основах самоорганизации. Попрошайничество стало не только распространенной реакцией на экспансию торгового капитализма и нивелирования роли государства в защите определенных групп населения, но и вполне распространенной формой деятельности со своим набором правил, ценностной системой и установленными образцами поведения. Другими словами, попрошайничество в современной России – это определенный институт, который вслед за Э. Хьюзом можно назвать «незаконнорожденным» [Hughes, 1971; Хьюз, 2009]. «Живучесть» такой практики определяется глубиной молчаливого согласия большинства с ее существованием.

И хотя такой взгляд может быть крайне полезен, особенно если стоит задача выявить долгосрочные основы существования деятельности попрошайничества, исследование данного феномена в контексте социального государства предполагает прежде всего понимание внутренних основ существования этой деятельности, поэтому чикагская традиция институционального анализа, выразителем которой является Э. Хьюз, здесь не актуальна. Фокус исследования на внутренних аспектах попрошайничества предполагает учет широкого набора переменных, которые условно можно разбить на четыре основные группы показателей: 1) материальные ресурсы, здоровье, специфические знания (местности, инфраструктуры), социальные

связи и прочее, 2) правила и нормы: регуляторы взаимодействия и границ группы, 3) культура: отношение к деньгам, времени, этика и прочее, 4) образцы поведения: устоявшиеся практики, в том числе по извлечению рент.

Доступ и обладание какими ресурсами позволяют не только выживать, но и устанавливать иерархию внутри группы? Каким образом происходит установление контроля и регуляции деятельности индивидов, занимающихся попрошайничеством? Объединяет ли этих людей общее миропонимание, единое отношение к базовым жизненным категориям и общему «делу»? Выявляются ли при этом определенные модели поведения, связанные с повышением «производительности труда» [Visano, 1986]? Эти и другие вопросы раскрываются в настоящей работе.

Попрошайничество как статусное сообщество

Общей методологической рамкой при ответе на поставленные вопросы выступает неовеберовский подход, который часто используется при исследовании профессией в социальном государстве. Далее показано, почему именно эта традиция хорошо применима к анализу внутренних аспектов такого сложного феномена как попрошайничество. В целом сложность этого предмета исследования для традиционной социологии профессий [Романов, Ярская-Смирнова, 2011] обусловлена тем, что в связи с попрошайничеством не возникают классические для института профессий отношения, которые могли бы быть опосредованы услугой, оказываемой профессионалом (или профессиональным сообществом) другим социальным группам.

Само понятие профессионала формируется по мере индустриализации традиционных экономик, параллельно с этим происходит институционализация понятия «непрофессионала» как в значении «клиента», то есть «получателя услуг», так и в качестве «любителя», «обыденного эксперта». Последующая специализация и разветвленная система общественного разделения труда еще сильнее разводит два этих понятия. В конечном итоге в индустриальном обществе происходит сакрализация профессии [Spencer, 1896], сопряженная с закрытием специфической деятельности (существующей часто в виде услуги) как от «любителей», так и от «клиентов». Этот процесс сопровождается не только и даже не столько последующей капитализацией деятельности, сколько наделением профессии признаками, сближающими эту деятельность с религиозным культом: наличие ритуала, веры в экспертную силу профессионала, жертвен-

ное служение своему делу [Dingwall and King, 1995]. Этой сакрализацией профессии обеспечивается помимо экономической монополии закрепление символических рент¹ за группой, оказывающей определенный тип услуг. Инструмент, позволяющий поддерживать такой тип рент, определяется понятием «профессионального суждения» [Hughes, 1971], роль которого заключается в том, чтобы за счет снижения степени неопределенности в современном обществе гарантировать осуществляемые людьми временные и финансовые инвестиции [Dingwall, 1999].

Однако здесь резонно встает вопрос о применимости этих понятий к объекту настоящего исследования. Это касается как самой практики разделения на «профессионалов» и «непрофессионалов», так и использования классических понятий, описывающих процессы, поддерживающие этот разрыв в современном обществе – вроде описанных выше – капитализации символических ресурсов, «профессионального суждения» и профессиональных монополий на оказание определенных услуг [Parkin, 1979]. Другими словами, в рамках данной статьи мы попытаемся ответить на вопрос о том, в какой степени можно считать попрошайничество профессией?²

Отправной точкой при ответе на поставленный вопрос является понимание попрошайничества как определенной статусной группы (нем. *stand*). Согласно Веберу [Weber, 1978. С. 302–307], статусные сообщества организованы в целях защиты своих социальных привилегий и титулов. Другими словами, сообщество людей, занимаю-

¹ Символические ренты связаны с получением непроизводительной части доходов на так называемый символический капитал. Символический капитал является главным рентообразующим ресурсом для людей, чья деятельность связана с производством знания и культуры, а также спасением жизней людей или улучшения их здоровья. Подробно о роли символического капитала в процессе формирования социальной структуры современного общества, включая статусные группы работников умственного труда, которые в англо-американской традиции названы «профессионалами», см. в статьях [Bourdieu, 1983; Радаев, 2002; Тихонова, 2006].

² Рассуждая о профессиях, стоит обратить внимание на то, что «получить профессию» в российской культуре значит освоить специальность, которая позволит выполнять работу определенного плана [Mansurov et al., 2004]. Это кардинально отличается от англо-американской трактовки профессии как узкого спектра высокостатусной деятельности умственного труда. Вместе с тем такое смешение вида деятельности, квалификации и характера труда при определении профессии характерно для европейской статистики, то есть сформулированных в ином социально-культурном и политическом контексте. Не вдаваясь подробно в эту дискуссию, отметим, что в рамках данного исследования используется широкое понимание профессии.

щихся попрошайничеством, должно обладать определенными ресурсами и ценностями, которые требуют защиты, в том числе путем самоорганизации. Издержки на борьбу за собственные интересы можно охарактеризовать как затраты на создание и поддержание своей монополии в рамках рассматриваемого сегмента неформальной экономики. В таком случае можно говорить о попрошайничестве как особой статусной группе, в основе которой лежит деятельность, приносящая доходы и даже прибыль.

Ключевым для статусного сообщества являются поддержание определенного образа жизни и поиск источников собственного воспроизводства. Конечная цель сводится к защите своей монополии, причем связанной не только с оказанием конкретной услуги, но также с осуществлением определенного рода деятельности (тем более если она носит «паразитический»¹ характер, то есть предполагает минимальные «утопленные» издержки², связанные с входом в отрасль и последующим освоением основных элементов деятельности). Например, работники высокой квалификации, занятые умственным трудом, используют в качестве барьеров механизм системы образования и формальных сертификатов, что позволяет ограничить восходящую мобильность «пришлых», а главное – «закрыть» доступ других групп к возможностям извлекать ренты, связанных с данной профессией. В свою очередь, люди, занятые попрошайничеством, как показано ниже, могут использовать кровнородственные связи, этническую принадлежность и прочие коллективные формы защиты собственной деятельности, основанные на первичных статусах.

Закрытие у Вебера [Weber, 1978. С. 43–46] появляется как термин, которым описываются отношения, основанные на распределении собственности и определяемые классовой ситуацией, то есть местом индивида в системе общественного разделения труда. Дру-

¹ Слово «паразитическая» деятельность здесь и далее используется в узком смысле – как деятельность, не связанная с оказанием прямой услуги, а предполагающая однозначное и явное использование одной стороной другую при неоднозначности обратного обмена, а зачастую – невозможности получения другой стороной какой-либо компенсации от первой.

² Понятие «утопленных» издержек (англ. *sunk costs*) было разработано в экономике отраслевых рынков для описания затрат, которые несет экономический агент, чтобы начать производственную деятельность. Классическим примером таких издержек служат затраты на строительство завода, получение лицензии. В нашем случае примером утопленных издержек попрошайничества могут служить затраты на покупку собаки или опрятной одежды.

гими словами, каждая классовая ситуация предполагает свой тип закрытия. В этой перспективе попрошайничество, с одной стороны, является следствием монополий других типов деятельности, а с другой – сама продуцирует закрытие. Говоря в терминах Ф. Паркина [Parkin, 1974; 1979], первый смысл исследуемой практики связан с эксклюзивом, преимущественно со стороны классов, основанных на собственности (то есть осуществляемый принудительно по отношению к попрошайничеству со стороны формальных профессиональных групп), второй же характеризуется узурпацией существующих возможностей (ресурсов) путем установления определенных барьеров для «новичков». Главный интерес представляет именно узурпация, которая и подразумевается далее, когда мы будем говорить о закрытии.

Коллективная форма закрытия попрошайничества на паперти

В рамках проведенного исследования попрошайничество определено как вид неформальной деятельности уличного уровня, которая заключается в осуществляемом в публичных местах прошении у окружающих денег, еды, одежды и других материальных ценностей. Руководствуясь этим определением, для интервью были отобраны 10 человек, собирающих милостыню при храмах и монастырях г. Москвы и различающихся возрастными характеристиками (от 25 до 60 лет, двое из них младше 30 лет), полом – среди них было семь мужчин и три женщины. Восемь информантов не имеют брачных партнеров, причем семь из них никогда не вступали в брак (один разведен). Почти все участники исследования – приезжие. Так, всего один информант родился в Москве, три информанта приехали из ближнего зарубежья, остальные же – из разных городов России, в основном европейской ее части. Главная причина иммиграции в Москву, по признанию самих информантов, – конфликты с окружением и местным сообществом: *«из родного города заставили уехать проблемы небольшие, как сказать, криминал в общем. И вот мы здесь открыли как бы свой приют, собачкам помогаем, как бы волонтеры»* (информант 8). Вторая причина – заработки, то есть люди приезжают в Москву в другом статусе, и их последующая маргинализация случается уже в столице, что весьма типично не только для попрошайничества. По языковому и этническому признаку всех опрошенных можно отнести к русским. Цыгане и представители других этнических групп не вошли в состав выборки, поскольку в период сбора данных их не было на паперти.

Что касается базовых характеристик экономического и профессионального контекста попрошайничества на паперти, стоит отметить, что большая часть информантов (6 человек) стоят с протянутой рукой не более года, то есть для них попрошайничество – относительно новая форма деятельности. Половина опрошенных иногда совмещают попрошайничество с другими видами деятельности неформального сектора экономики (например, разовые работы). Большая часть информантов, оказавшихся на паперти, зарабатывали на жизнь физическим трудом. Причем шесть из десяти опрошенных, до того как начать заниматься попрошайничеством, имели постоянную работу даже в первичном секторе занятости. Остальные же большую часть жизни существовали за счет нестабильных заработков, причем как в формальном, так и в неформальном секторе. Все информанты отметили, что, до того как начать просить подаяние, пробовали устраиваться на работу, хотя некоторые из них признавались, что в их жизни были периоды, когда они вовсе не работали и даже не искали работу, несмотря на физическую полноценность.

Наделенность ресурсами в среде попрошайничества не самая низкая. Если говорить о трансфертах, то два информанта имеют право получать трудовую пенсию, однако один не получает ее из-за утраты необходимых документов, а второй – потому что не оформил. Показательно, что пять из 10 опрошенных имеют постоянную крышу над головой (квартиру или дачу), хотя это не является их собственностью: либо жилье снимается (как правило, вскладчину), либо они живут у родственников. В остальных случаях опрошенные ночуют либо в ночлежках, либо на вокзалах и в поездах:

Сколько заработаю и иду на вокзал, там надо заплатить 100 рублей, чтобы тебя не выгнали. Иногда покупаю самый дешевый билет на электричку за пятьдесят рублей и прихожу в первом часу ночи, тогда до утра с этим билетом меня никто не имеет права выгнать, так и ночую» (информант 3).

Примером ночлежки может быть коллективно снимаемое место, подобное описанному у М. Горького в пьесе «На дне», либо его современный аналог – пустующие контейнеры, предназначенные для временного проживания мигрантов-строителей. За определенную плату и по предварительному договору охранник или сторож объекта, на территории которого расположен такой контейнер, может пустить группу попрошаек переночевать. Как видно, проблема жилья для людей, занимающихся попро-

шайничеством на паперти московских монастырей и храмов, не является острой¹.

Как показали результаты исследования, попрошайничество существует в рамках определенного сообщества, что весьма характерно для экономики уличного уровня. Как и предполагалось, иногда основой этого сообщества выступают семейно-родственные связи (например, среди опрошенных оказалась целая семья, которая просит милостыню при выходе из монастыря Покрова Пресвятой Богородицы на Абельмановской заставе) и/или этническая принадлежность (цыгане, просящие милостыню около Храма Христа Спасителя). Примечательно, что как в том, так и в другом случае может отмечаться весьма агрессивное поведение информантов, причем не только по отношению к интервьюеру и всем «пришлым», но также в отношении тех людей, у которых они просят подаяние (в случае с цыганами последнее выражается в словах «А что так мало дал?!»). За таким поведением прослеживаются не только явная защита территории, но и проявление определенного отношения к окружающим как «клиентам», с которых можно «стясти денежки». Хотя, стоит отметить, что цыган не часто можно встретить на паперти. Если они появляются, то «работают», по сообщениям наших информантов и по нашим наблюдениям, как правило, за пределами непосредственной локальной зоны паперти – на смежных с папертью территориях – парковках, прилегающих дорогах и площадях.

Как бы то ни было, люди, занимающиеся попрошайничеством, используют преимущественно коллективные формы закрытия (связанные с первичными статусами – этническая и религиозная принадлежность, семейно-родственные связи). Индивидуальные же формы закрытия (связанные с собственностью и формальными сертификатами) им не доступны, а во многих случаях просто неуместны, поскольку сама деятельность в силу своего «паразитического» характера не предполагает какой-либо апелляции к продуктам формальных институтов.

Здесь речь идет именно о феномене коллективного закрытия, схожего с тем, что наблюдается в «полноценных» профессиях – закрытие устанавливается не в отношении всей среды обитания, а лишь применительно к рабочей зоне. Было установлено, что для всех информантов паперть выступает своеобразной экономической территорией, которую они используют исключительно для заработ-

¹ В целом это соответствует данным выборочной статистики по Москве, согласно которой в конце 1990-х – начале 2000-х годов из всех, кто промышлял попрошайничеством, постоянной крыши над головой не имели лишь около 15% [Бутовская и др., 2001].

ков, то есть как место, позволяющее им получать милостыню либо в денежном, либо в натуральном виде. Не было обнаружено ни одного случая, когда бы паперть служила для нищего местом ночлега или временного отдыха, что косвенно свидетельствует о том, что люди, просящие подавание, устанавливают четкую границу между частной и рабочей зоной: *«у меня есть место, где я отдыхаю, а сюда я прихожу в определенное время»* (информант 2).

Стоит отметить, что разграничение пространства на экономическую территорию и зону отдыха является общей чертой, характерной для данного типа деятельности не только в России [Emmanueli, 2008]. Речь идет, возможно, о подсознательном разделении работы и личной жизни, что отличает большинство работников формального сектора занятости. При этом занимающиеся попрошайничеством на паперти используют различные средства для организации рабочей зоны: это может быть кусок картона, на котором написана просьба о помощи, коробка для милостыни или же просто определенный участок земли, который становится временной собственностью нищего. Важно, что в большинстве случаев – это всегда небольшой клочок земли. Коллективное закрытие же позволяет расширить рабочую зону за счет использования человеческих ресурсов сообщества. Так, в ходе наблюдения был зафиксирован случай, когда одна просящая милостыню семья распределялась на определенном участке, стараясь охватить как можно больше рабочего пространства. Помимо прочего коллективное закрытие может служить хорошим подспорьем в борьбе за ренты: *«...я к двум прихожу, а до этого нас не пускают и даже бьют мужчины, которые здесь стоят»* (информант 6).

Другая область, на которую влияет коллективное закрытие, – социализация в рамках рассматриваемой деятельности. Как показали результаты исследования, социализация внутри сообщества не является чем-то безусловным и подчинена установившейся внутригрупповой иерархии. Как правило, внутригрупповая иерархия отношений устойчива, когда базируется на внешних институтах и организациях – легитимных (храм, монастырь) либо неформальных и даже криминальных (местное преступное сообщество и даже работники патрульной службы местных отделений полиции). Вместе с тем паперть московских храмов и монастырей имеет такую специфику, что влияние этих внешних структур на внутригрупповую иерархию не очень велико или, по крайней мере, не повсеместно. Отсутствие явного лидера и авторитета создает возможности и условия для индивидуальной девиации внутри локального сообщества, особенно если «новичок» является достаточно «опытным». В противном случае процесс социализации подчиняется внутригрупповой

иерархии и/или протекает в пользу внешних структур, которые начинают эксплуатировать «пришлых».

Иллюстрацией такой патерналистской формы социализации и последующей вероятной эксплуатации может выступать набор специфических практик (своего рода «лучших практик»), позволяющих повысить производительность своей деятельности, которые передаются через устную традицию либо через пример, включая зрительный контакт, жестикуляцию, коммуникативные приемы. Другим примером могут служить аналоги средств производства (ребенок, собака), которые выдаются внешней структурой на определенное время. В последнем случае могут устанавливаться классические патерналистские отношения – в обмен на «свободу» и собранную милостыню, которая в таких случаях значительно превышает средние суммы, собираемые без использования таких средств производства, попрошайка получает не только защиту от внешней среды, но и стабильность в удовлетворении базовых потребностей, то есть простого воспроизводства, что может быть привлекательным для представителей других маргинальных групп:

... Девочка как-то подходила ко мне, Галка, пыталась мне предложить... она Андрея того хозяйка... он трус, платит как будто пошлину ей, кобыле. И не один он. Она типа хату взяла, кормит, поит их. Она забирает у них все деньги, совсем обнаглела... Андрей вот стоит с собакой – Галка ему дала. Собака зарабатывает, он ничего не умеет, собаку жалеют. С собачкой-то можно много заработать (информант 2).

... Да, распределяем места, вот те люди, например, они снимают квартиру в пригороде, но там хозяин есть, понимаешь, раньше тоже был нищий, а вот теперь они у него живут. Так они вот там до двух часов стоят, а потом могут хоть где (информант 5).

В то же время значимые ресурсы, которые могут обеспечить индивидуальную девиацию в сообществе, включают два основных фактора: 1) специфические знания и навыки, 2) личностный «капитал». Первое определяется двумя показателями – а) опытом службы в армии на командных должностях, б) опытом тюремного заключения. Под личностным капиталом подразумевается решительность в отстаивании индивидуальных интересов, которая не всегда предполагает недюжинное здоровье. Так, информант 2 (бывший заключенный, причем с опытом службы в армии на командных должностях) рассказывал, как без особого труда побеждал в схватках с местными

«бомжами», несмотря на свою большую ногу, объясняя это тем, что они «просто тусы» (последующее наблюдение за его поведением подтвердило его слова – он держался весьма автономно в сообществе). Однако это исключительный случай, поскольку большая часть просящих милостыню на паперти не имеют болезней и физических недугов, препятствующих этой деятельности, – здоровье является значимым ресурсом, который позволяет сохранять работоспособность¹.

Как видно, это обозначенное выше сочетание ресурсов² является весьма специфическим – им располагают единицы. Большинство вовлеченных в попрошайничество изначально не обладают таким уникальным опытом и знанием, что могло бы значительно снизить их издержки по адаптации к экономике уличного уровня – как следствие, они сильно зависимы от сообщества.

В целом стоит отметить, что уличное знание является одним из главных ресурсов, монополизация которого, по теории ресурсной зависимости [Crozier, 1964], обеспечивает власть в рассматриваемой сфере деятельности. В ходе исследования выяснилось, что информанты значительно различаются по имеющемуся у них багажу знаний, необходимых для ведения «профессиональной» деятельности в условиях уличной экономики. Асимметрия распределения этого ресурса дает не только экономическое и временное преимущество перед «коллегами по цеху», но и повышает самооценку:

...В выходные надо к 7 утра приходиться, к первой службе, тут толпы людей идут, и меньше 100 рублей не подают... вот в праздники: Пасху, Рождество и так далее, можно и 20 заработать, если постоять ночью... вот съездила на Тверскую, очки взяла, на проповедь зашла, обед там. Сейчас приехала, здесь

¹ Под здоровьем в данном случае имеется в виду физическая выносливость, общий иммунитет и силы, необходимые для того, чтобы просить милостыню в течение нескольких часов подряд при разных погодных условиях. Хотя видимые физические увечья могут быть факторами, которые вызывают людскую жалость, что часто используется людьми в московском метрополитене, многие опрошенные отмечали, что прихожане больше подают опрятным, вменяемым и скромным нищим. Поскольку в российской культуре, которая преимущественно остается традиционалистской [Модернизация России... 2011], особенно в данном ее сегменте (низы общества, верующие прихожане православных храмов, сама православная этика призрения), делать что-то нарочито напоказ не принято, то редкие бродяги и нищие акцентируют свои физические недуги, по крайней мере, когда речь заходит о паперти.

² Подробно о применении идеи рентного сочетания ресурсов в исследованиях социальной структуры и социальной стратификации в современной России см. в работе Н. Тихоновой [Тихонова, 2006].

пообедала, хоть сейчас и пост, нас все равно кормят, мясо дают, первое, второе, третье, еще и кексы с чаем... когда я попадаю в больницу и вижу, как там экономят на еде, я вот вроде живу, почти божж, а питаюсь в сто раз лучше, чем они (информант 3).

Информация, необходимая нищему, включает знания о прибыльных местах, времени, в которое нужно приходить, а также об окружающей инфраструктуре. Опытный нищий всегда знает, где можно бесплатно или практически бесплатно найти пропитание, одежду и ночлег:

...Стоять лучше в выходные. Получается так, что в субботу вечер, а в воскресенье утро. Когда службы идут... вот недавно ходил в больницу, там бесплатно помыться можно (информант 4).

...Я в столовую при храме хожу, здесь столовая есть, я туда хожу... храм помогает обязательно, вот смотрите, вот эти вещи храм всем божжам давал, это новые (информант 6).

В категорию «уличного знания» также попадает опыт взаимодействия с маргинальными, криминальными и надзорными структурами, от которых зависят не только «профессиональная» автономия нищего, но и его безопасность при работе. Известно, что деятельность попрошайничества часто бывает связана с таким феноменом, как «вымогательство» [Dean, 1999]. На практике это могут быть ситуации, когда в конце или середине «рабочего» дня к нищему подходят либо обычные хулиганы, либо представители криминальных групп, промышленляющие разбоем в отношении людей, просящих милостыню. Нередко дело доходит до применения физической силы. Чтобы не попадать в такие ситуации, попрошайке необходимо владеть «уличным знанием», которое имеет определенную ценность и может быть транслировано лишь в рамках сообщества, и то, как было отмечено выше, не всем его участникам.

Здесь стоит сказать, что уличное знание не существует без общества, поскольку основной источник информации для нищего находится в локальной социальной среде, особенно если у него нет ресурсов для индивидуальной внутригрупповой девиации. Для большинства же прочные связи являются условием физического выживания. Кроме того, наличие устойчивых связей с друзьями и родственниками в «большом» обществе также способно решить проблему выживания, по крайней мере, в первое время.

Из приведенного выше анализа следует, что феномен коллективного закрытия касается в основном двух главных «ресурсных ниш» попрошайничества, что сильно его роднит с профессиональ-

ной деятельностью: 1) рабочее пространство и 2) специфические знания и навыки. Механизм коллективного закрытия делает попрошайничество на паперти привлекательной сферой для люмпенизированных представителей других маргинальных групп (например, бездомных¹), особенно если выполняется ряд индивидуальных и культурных условий, о которых подробнее сказано ниже.

Попрошайничество на паперти как венец девиантной карьеры

Рассмотрение индивидуальных факторов, которые приводят человека к попрошайничеству, предполагает принятие общего допущения о том, что в некоторые периоды времени индивид может действовать относительно автономно. Если отобрать из всей совокупности свободных действий поступки стратегического плана и расположить их в определенной последовательности, то применительно к выполняемой деятельности можно получить набор карьерных решений. В отношении таких маргинальных типов деятельности, как попрошайничество, феноменологическая традиция чикагской школы разработала теорию последовательной девиантной карьеры [Becker, 1963; Skipper and McCaghy, 1970; Sutherland, 1937], в результате которой происходит индоктринация профессией [Matsueda, 1988]. Основная задача в рамках этой теории состоит в выделении ступеней девиантной карьеры, которые приводят человека на низшую позицию среди профессиональных монополий – к попрошайничеству.

Согласно проведенному исследованию, первая ступень девиантной карьеры – это склонность к злоупотреблению алкоголем² и связанное с ним стремление к праздности (и, соответственно, «парази-

¹ Часто люди, просящие милостыню, ошибочно отождествляются с бездомными, которые являются другой маргинальной группой люмпенизированных слоев общества. По некоторым оценкам, лишь 1% представителей данной группы живет попрошайничеством [Соловьева, 2001].

² Очевидно, что длительное злоупотребление алкоголем в конечном итоге подрывает прочность биологического ресурса, который был отмечен выше как один из наиболее важных для людей, стоящих с протянутой рукой по многу часов в день. Однако долгосрочное действие алкоголя, в отличие от классических болезней, состоит в его отсроченном эффекте, который проявляется лишь при длительном употреблении большого количества алкоголя. При относительно кратковременных «помутнениях» негативный эффект от злоупотребления алкоголем носит преимущественно социальный и личностный характер: «...я когда ушел с монастыря, работал там, начал пить, хотел вернуться обратно, но меня охрана не пустила – говорит, что я пьяный. Я им сказал, что я выпивши, но все равно не пустили. Это было 18–19 февраля, с этого дня я здесь» (информант 2).

тическим» типам деятельности, к которым относится попрошайничество): «...если похмеле, то я прошу, а если я не пью, я вообще не прошу» (информант 5).

Драма этого этапа заключается в том, что тяга к спиртному и праздный образ жизни усваиваются в детском возрасте, то есть в процессе первичной социализации. Вероятность такой формы личностной деградации возрастает, если у человека отсутствует закрепленное понятие о доме. Половина информантов, открыто признавшихся в том, что одной из главных причин, которая толкнула их на улицу, стало их пристрастие к алкоголю, прошли через такие формы институциональной опеки, как детские дома (три информанта) и тюрьмы (два информанта).

Учитывая специфику объекта, стоит отметить, что масштаб трагедии куда больше, чем представляет статистика. Несмотря на то, что половина информантов не признались в том, что имеют проблемы с алкоголем, в ходе включенного наблюдения стало понятно, что девять из 10 опрошенных были что называется «выпивши». Эти данные выглядят тревожно, особенно если оценивать возможные потери в масштабах всего общества. Выборочная статистика показывает, что потенциально проблемы с алкоголем могут иметь около 7% взрослого населения России¹, попадая тем самым в «группу риска» уже по одному этому признаку. Ситуация осложняется еще тем, что алкоголь заметно повышает склонность к девиантному поведению и неконструктивному риску:

...Пить начал, а там и пошло все (информант 4).

...Начала выпивать и все пошло по наклонной линии (информант 3).

Учитывая такие масштабы возможных потерь в трудовом потенциале страны, государство должно всерьез озаботиться задачей профилактики этого недуга.

¹ Именно такова доля россиян, употребляющих алкоголь чаще трех раз в неделю (по данным RLMS-HSE за 2010 год). Здесь стоит пояснить, что несмотря на то, что по частоте употребления алкоголя ситуация в России очень схожа с тем, как часто пьют в таких передовых странах Европы, как Финляндия и Швеция и, более того, даже является более скромной, чем в «винных» странах Европы, например, Италии и Франции, где более 40% взрослого населения пьют каждый день или 4–5 раз в неделю [Alcohol in Postwar Europe... 2002], все же характер и условия употребления алкоголя в России и названных странах разительно отличается. Самыми популярными алкогольными напитками, причем вне зависимости от дохода, уровня образования и даже возрастных различий, являются в современной России пиво и водка, потребляемые часто стихийным образом [Андриенко, Немцов, 2006].

Следующей ступенью девиантной карьеры выступает субъективное восприятие попрошайничества на паперти как относительно доступной альтернативы, позволяющей быстро «заработать». Частично об этом было сказано выше, в признании информанта 5, который рассматривает попрошайничество как относительно доступный способ заработать на очередную бутылку. При этом «легкость», с которой данный информант интегрируется в сообщество, не противоречит практике коллективного закрытия попрошайничества, поскольку этот человек имеет за плечами опыт социализации в рамках тотальных институтов (детдом), что дает ему, как было доказано в предыдущей части, карт-бланш на внутригрупповую индивидуальную девиацию без особых рисков для собственной безопасности.

В отношении паперти существует и другая практика, поддерживающая попрошайничество в этой части общества, – исторически и культурно легитимированное право на включенность просящих милостыню в инфраструктуру духовных учреждений, в том числе местного храма или монастыря. Но это не значит, что Церковь приглашает бедных на паперть. Православная этика призрения, пропитанная евангельским отношением к ближнему, чужда равнодушия к людям, которые попали в беду, и предполагает теплое и действенное соучастие, но человек сам должен быть готов принимать активные меры по собственному спасению:

...Подошел отец Паисий, я ему все рассказал: что у меня ни копейки, ничего. Он мне от себя дал 50 рублей и два дня, сказал, что я могу приходить покушать, а в понедельник, говорит, выходи на работу... (информант 2)¹.

Редко кто на паперть приходит сразу, автоматически. Этот этап девиантной карьеры предваряется либо опытом уличной жизни, обеспечивающей включение в определенные сети, либо наличием временной работы поблизости от святых мест, либо взаимодействием со структурами социальной опеки: «...здесь десять дней стою, раньше на вокзале стояла, там от церкви кормят. Потом одна женщина сюда привела» (информант 6).

В некотором смысле паперть – это институционально закрепленная площадка для милостыни [Кудрявцева, 2001], которая традиционно легитимирует право человека просить подаяние. Паперть в силу непосредственной близости к храму становится частью сакраль-

¹ В итоге этот информант вышел на работу, но получив зарплату, спустил все деньги на алкоголь, после чего в монастырь его не пустили (см. сноску 10), по крайней мере, до полного вытрезвления.

ного пространства церкви, низшей ее ступени, с которой только начинается восхождение к миру горнему, местом, где просящие милостыню напоминают о вечном, добре и зле, об относительности достатка, братской любви и страданиях Христа. По христианским канонам, подавание возводится в ранг добродетели. Где еще подавать просящим, если не у храма?

За многие годы сосуществования паперти и попрошайничества Церковь выработала определенные механизмы по взаимодействию с просящими милостыню и стратегии их деиндоктринации из этой «профессии». Главное условие, как было показано выше, – это благочестие. На «входе в отрасль» человек, скорее всего, будет обеспечен всем необходимым – теплой едой и одеждой. Если он продолжит пить, то так и останется на этом минимальном, или пассивном, уровне обеспечения. В случае если человек проявит волю к собственному спасению и воздержанию, то ему будет предложен другой тип обеспечения – активный, в виде временной работы и крыши над головой. Таким образом, паперть может выступать своеобразным социальным лифтом для тех, кто не вписывается в другие более структурированные и закрытые формы уличной экономики г. Москвы (например, существующие в привязке к метро, вокзалам и проч.).

Включенность в локальную инфраструктуру, обеспеченную ресурсами соответствующего храма или монастыря, позволяет значительно экономить на издержках, связанных с питанием и одеждой – по сути, основными статьями бюджетных расходов городских бедных [Тихонова, 2003]. Неудивительно, что часть информантов может позволить себе продукты более дорогого ассортимента (орехи, свежие соки) и коммунальные платежи, которые в Москве составляют значительные суммы¹:

...У меня проблема, что у меня очень много еды всякой. Когда я попадаю в больницу и вижу, как там экономят на еде, я вот вроде живу, почти бомж, а питаюсь в сто раз лучше, чем они. Я могу позволить себе все купить, вчера фундук орешки купила, сейчас пойду сок куплю, натуральный, томатный (информант 3).

...Да, конечно, хватает. Оплатить свет, газ даже (информант 7).

Некоторые из тех, кто просит милостыню на паперти, даже занимаются благотворительностью:

¹ Согласно Постановлению правительства Москвы от 28.12.2011 N 645-ПП «Об утверждении размеров стандарта стоимости жилищно-коммунальных услуг на 2012 год» среднемесячная сумма коммунальных платежей на 1 человека составляет 2403,94 руб.

...Да, денег хватает, одежда у меня есть, а на еду хватает. Я даже в церковь отдаю (информант 5).

Однако все это – так называемые временные ренты [Тихонова, 2006]. Попрошайничество характеризуется крайней нестабильностью, и прежде всего это касается экономической составляющей данного рода деятельности. Согласно полученным данным, минимальная сумма дневного дохода на паперти московских храмов и монастырей центральной части Москвы не опускается ниже 200 рублей, в то время как дневной максимум был обозначен в 20 000, что возможно только в дни крупных церковных праздников: «...грубо, в день праздника, мне удавалось двадцатку поднять, ну, в будние, знаешь, бывало по пятнадцать тысяч...» (информант 4).

Даже если скорректировать указанные суммы на 20%, величину, являющуюся конвенциональной при взвешивании субъективных оценок дохода, все равно получается внушительная цифра. Если учесть при этом сильно сокращенный рабочий день, который, по словам опрошенных, колеблется от 2 до 6 часов, а также подпитываемую алкоголем склонность к неконструктивному риску [«...сестру и зятя, в общем, послал к черту – пьяный был» (информант 2)], сама возможность получить такие деньги может стать хорошим стимулом для занятия попрошайничеством, даже невзирая на колоссальную волатильность дневных доходов. Ниже показано, что в силу специфического отношения к деньгам даже от таких сверхдоходов враз ничего не остается.

Вместе с тем, помимо проблем с алкоголем и стремления к легким деньгам, что само по себе уже сильно ограничивает спектр поиска возможных альтернатив деятельности, существует еще дополнительный фактор, обуславливающий выбор в пользу попрошайничества на паперти, – осознание солидарности с локальным сообществом, что представляет собой третий этап девиантной карьеры. Включение в экономику уличного уровня подразумевает активное взаимодействие с «коллегами по цеху», то есть другими такими же представителями сообщества, причем протекает это взаимодействие зачастую в условиях стрессовой ситуации.

Из практической психологии известно, что в экстремальных условиях гораздо быстрее, чем в обычной жизни, устанавливаются сильные эмоциональные связи [Назаретян, 2004]. По мере активного вовлечения в новую эмоциональную атмосферу набирает обороты процесс ресоциализации, в рамках которого «пришлые» формируют новый образ о себе и получают необходимую информацию о ценностях сообщества и сложившихся правилах игры, а также о последующих санкциях за их нарушение [Salaman, 1974; Lloyd, 1977;

Matsueda, 1988]. В итоге такой индоктринации профессией, протекающей в контексте эмоционально окрашенных взаимодействий, старые связи с «большой землей» быстро начинают ослабевать (если они еще не были разрушены до этого) и замещаться новыми более сильными связями: «...да, всех знаю, очень хорошие отношения, всегда выручат, всегда помогут. Хоть и бомжи, но всегда помогут» (информант 5).

Со временем разрыв старых связей сопровождается крушением прошлых идеалов и разложением уже внутренней связи с прошлым, что, видимо, является неизбежным следствием социализации в рамках девиантной карьеры:

...Раньше очень много друзей было, но сейчас три года уже общаюсь ни с кем. Я поняла, что это общение ни к чему – каждый сам за себя. Я не стала с ними общаться. А они не знают моих координат, они все думают, что я в монастырь уехала (информант 3).

Получается, по мере интериоризации норм и ценностей такой деятельности, как попрошайничество, человеку становится все сложнее следовать «прошлым» правилам и образцам, поддерживающим формальные институты наемного труда [Adler and Adler, 1983; Ulmer, 1994]. Осознание этого происходит чаще всего внезапно. Например, когда индивид, получивший продолжительный опыт уличной жизни, пробует вернуться к «нормальному» существованию, но вдруг понимает, что когда-то привычный ход вещей либо дается ему с большим трудом (трезвое состояние и/или конструктивное общение с людьми), либо уже вовсе не доступен (не берут даже на черную работу), либо просто не соответствует его новым представлениям о жизни или желаниям. На этой почве у человека может складываться впечатление, что вне локального сообщества и поддерживающей его уличной экономики он не найдет сопоставимого уровня эмоциональных связей, человеческой поддержки и понимания, а главное – что не выживет:

...Понимаешь, с бомжей очень хорошие люди: и академики, и военные. Это не просто люди (информант 5).

...Мы не нужны нашему обществу (информант 7).

Последним этапом девиантной карьеры является индивидуальная групповая девиация, о ресурсных предпосылках которой говорилось выше при рассмотрении коллективного закрытия попрошайничества. Это своего рода аналог профессиональной автономии,

раскрываемой в трех разных ипостасях: а) степень экономической независимости и контроль над результатами собственной деятельности, б) наличие индивидуальной стратегии развития в рамках рассматриваемой деятельности и в) контроль над рутинной, который выражается в так называемой операциональной свободе [Harrison, 1993].

Высокая степень экономического контроля отражается в реальной возможности «вести свой бизнес», самостоятельно определять и распределять источники доходов и расходов, а также нести индивидуальную ответственность за понесенные издержки. Исключительность экономической автономии подчеркивается массой обратных примеров. Согласно полученным данным, около половины информантов имеют крайне низкую степень экономической свободы. Просящим на паперти либо приходится платить своеобразный «налог за место» (как правило, в карман некоторых недобросовестных работников местной участковой полиции), либо страдать от набегов вымогателей:

...Каждый день я должен отдавать деньги – менты с нас требуют: «Денег, – говорят, – давай, или в отделение поедем» (информант 4).

...Да, бывает вымогательство – бомжи какие-то приходят. Но я им сразу 50 рублей отдаю или продукты какие – и они уходят (информант 3).

Однако внешний экономический контроль не является чем-то безусловным. Как было отмечено выше, около половины опрошенных сказали, что не имели личного опыта подобного взаимодействия с внешними структурами, хотя почти каждый из них признался, что слышал о таких проблемах от «коллег по цеху»:

...Я слышал про такое, но здесь все бомжи с образованием – это не просто люди. У нас такого нет, чтобы кому-то приходилось деньги отдавать (информант 5).

Немаловажным фактором, влияющим на степень экономической свободы, является специфика конкретного сообщества. Если добавить к этому уникальное сочетание ресурсов, определяющих индивидуальную внутригрупповую девиацию (специфическое знание и личностный капитал), о котором говорилось выше: «...я сам по себе, но я слышал про крышу, и я эту крышу в гробу видал. Девочка как-то подходила ко мне, Галка, пыталась мне предложить, так я послал ее. Я живу сам по себе. Еще раз подойдешь ко мне, так по-

лучишь, что мало не покажется» (информант 2), то получается, что в рамках попрошайничества на паперти существует вполне доступная возможность индивидуального «профессионального» развития, выступающая аналогом «карьерной траектории».

Эта возможность индивидуального развития в рамках рассматриваемой деятельности определяет стратегический компонент «профессиональной автономии», поскольку относится к способности индивида самостоятельно ставить цели и выбирать средства для их достижения. Дополнительные возможности для индивидуальной внутригрупповой девиации в рамках рассматриваемого аспекта «профессиональной автономии» дает само пространство. Паперть храма позволяет эксплуатировать архетип «церковного нищего», который традиционно ассоциируется с индивидуальной стратегией. Исторически Церковь препятствует глубокой криминализации попрошайничества, вовлекая конкретных представителей сообщества в систему институционального призрения.

Церковь оказывает «оздоровительный» эффект на просящих милостыню, причем не только за счет активной борьбы с алкогольной зависимостью, но и посредством культивирования таких качеств, как послушание и кротость. Подобные морально-этические референты призваны сдерживать буйный и порой жестокий нрав людей улицы и, таким образом, фильтровать социально-культурную среду паперти. Иногда за «хорошее поведение» может предполагаться индивидуальное вознаграждение, например, в виде доступа к рентной зоне паперти [*«...видите, здесь, практически никто не стоит, потому что не разрешают, а мне можно, батюшка разрешил. Меня никто не трогает, ни охрана, ни казаки, а так они всех гоняют»* (информант 3)] либо трудоустройства (как в случае с информантом 2). Причем в данном случае предоставление работы выступает именно в виде положительных санкций, поскольку храмы и монастыри, по крайней мере, попавшие в выборку, потребность в труде удовлетворяют либо централизовано через институты рынка труда (если нужен квалифицированный специалист), либо через свои паломнические службы (если нужны люди на простую работу). Поэтому трудники, поступающие на работу стихийно, образуют избыточную рабочую силу, с которой «в случае чего» долго церемониться не станут.

В то же время рамки, ограничивающие операциональную свободу людей, занимающихся попрошайничеством на паперти, регламентируют в основном общие нормы поведения в публичном месте. Другими словами, если соблюдать несколько правил поведения, которые являются базовыми для большинства людей, то неприятностей можно избежать: *«...если ты не хамишь, никому не грубишь,*

пьяным не валяешься, то все нормально, и конфликтов не бывает» (информант 1). Единственной проблемой в этой связи для просящих милостыню могут стать ожидания «клиентов». Знание о специфике этих ожиданий передается постепенно в процессе социализации, хотя самое главное узнается достаточно быстро. Опрятный и трезвый вид – вот что является универсальным ожиданием со стороны окружающих (по мнению самих информантов).

Главная сложность заключается не в том, чтобы узнать, чего хотят окружающие, а в том, чтобы правильно следовать этим ожиданиям. В сообществах с высокой самоорганизацией и, соответственно, высоким коллективным закрытием отмеченное ожидание перестает быть свободной ролью и становится непреложной нормой. Так, просящие милостыню возле Новоспасского монастыря в основном представляют собой сообщество мужчин, которые характеризуются низкой склонностью к самоорганизации и высоким пристрастием к алкоголю. Как следствие, они часто выходят «на работу» в нетрезвом виде, что только отпугивает прихожан, а иногда вызывает нарекания со стороны духовенства (по результатам наблюдения). В то же время возле Покровского монастыря значительная доля занимающихся попрошайничеством – женщины, которые активно следят за тем, чтобы не было пьяниц и дебоширов.

Как показывают результаты исследования, «профессиональной автономией» еще нужно суметь воспользоваться. Приведенный выше пример ярко иллюстрирует неспособность большей части выходящих на паперть распоряжаться своей свободой. В условиях слабой самоорганизации такая свобода может стать фатальной для всего сообщества, особенно в борьбе за «хлебные места», скажем, с теми же с этническими маргинальными группами. Так, возле Покровского монастыря местные нищие постоянно прогоняют цыган-попрошайек, в то время как возле Богоявленского кафедрального собора в Елохово цыгане промышляют «безнаказанно»:

...Цыган выгоняем. Тут были случаи, что цыгане вытаскивали деньги у людей. Люди шли и жаловались (информант 7).

...Но вот только на «Бауманской» – там безобразие полное. Там цыгане, охрана – тоже цыгане, я не хожу в такие храмы. Одна женщина рассказывала, что там встала (а там же море цыганок молодых), так одна цыганка как вцепилась ей, и, представляете, ее сам охранник выгнал, и сказал, чтоб больше не появлялась (информант 3).

Как видно, эта «профессиональная» свобода может оказаться совершенно непривлекательной в глазах «новичка». Профессио-

нальная автономия интересна только тем, кто выбирает стратегию индивидуальной девиации в сообществе. В формальной системе занятости подобная ситуация избегания свободы не редкость. Подавляющее большинство работников, занятых на позициях клерков, офисных служащих, рабочих специальностях, простых позициях в сфере торговли и бытового обслуживания и в ряде элементарных профессиях будут стремиться избегать профессиональной автономии. Часто ее там нет вовсе.

Как правило, свобода в профессии требует высокой квалификации, навыков самоорганизации и внутренней готовности брать на себя ответственность, то есть готовности к долгосрочному «конструктивному» риску (а не просто к бравате в алкогольной горячке). Автономия необходима для раскрытия творческого потенциала и реализации стратегических решений. Ни одна из этих целей, являющихся типичными для высокостатусных позиций, не имеет к рассматриваемому объекту никакого отношения. Получается, привлекательным для большинства может оказаться как раз низкая степень автономии. Эта ситуация воспринимается как органичная, поскольку соответствует практике, утвердившейся в отношении низкостатусных рабочих мест, когда работники, занимающие такие позиции, обменивают свою свободу на стабильность внешней регуляции [Hughes, 1958], устанавливающейся при коллективной форме закрытия.

Таким образом, описанные выше индивидуальные социально-экономические предпосылки закрытия, а также стимулы и возможности для построения индивидуальной девиантной карьеры в рамках попрошайничества позволяют рассматривать эту деятельность как некий «суррогат профессии». Это значит, что попрошайничество является частью более общей социетальной системы, с функциональными элементами которой эта деятельность неразрывно связана. Примером таких функциональных элементов могут быть другие профессиональные группы, которые сосуществуют с попрошайничеством и в некотором смысле питают его «новыми кадрами». Такое сосуществование обеспечивается близостью к попрошайничеству других профессиональных групп не только в социально-экономическом, но и в культурном плане.

Попрошайничество и социетальная культура. Выводы для социального государства

Близкие профессиональные группы можно назвать «смежными», что является одной из особенностей института профессий, наблюдаемой в современной России [Аникин, 2011] и характерной также для попрошайничества. Представители смежных родов деятельности

с высокой вероятностью будут физически пересекаться друг с другом, общаться в повседневной жизни, возможно, даже выполнять близкую по уровню сложности и содержанию работу. Это обеспечивает профессиональную мобильность, которая в современной России протекает преимущественно между смежными родами деятельности.

Например, смежными профессиональными группами для офисных служащих выступают полупрофессионалы при восходящей мобильности, и работники, занятые на простых позициях в сфере бытового обслуживания и торговли, если мобильность нисходящая. Профессионалы выступают смежной профессиональной группой для менеджеров при восходящей мобильности и полупрофессионалов – в случае нисходящей мобильности. Для разнорабочих верхней смежной профессиональной группой являются рабочие, занятые на производстве или обслуживанием установок и подвижных механизмов. Нижней смежной профессиональной группой для разнорабочих выступают сообщества, промышленяющие попрошайничеством или другой деятельностью, характерной для экономики уличного уровня.

При рассмотрении смежных профессий фокус исследования обычно сосредоточен на анализе близости профессиональных субкультур. Вместе с тем локальная культурная близость конкретных профессий может обеспечиваться более общими ценностями, смыслами, эмоциональными образцами, принятыми в обществе в целом. Так, коллективная форма закрытия, рассмотренная выше в качестве признака попрошайничества как статусной группы, является характерной для подавляющего большинства профессиональных групп традиционного общества. Можно сказать, что попрошайничество является примером островка такого традиционного общества в модернизированной среде большого города. Таких островков может быть много, и они могут включать в свою орбиту разные типы деятельности, связанные, главным образом, с низкоквалифицированным¹ физическим трудом [Аникин, 2012].

¹ Исследования последних лет показывают, что квалификация является линией демаркации, которая отделяет традиционалистский тип мышления от модернистского [Аникин, 2012; Тихонова и др., 2007]. Есть предположение, что это связано с тем, что квалификация как ресурс приносит ренту лишь в связи с другими типами ресурсов – например, культурным ресурсом [Тихонова, 2006; Овчинникова, 2010]. В силу того, что культурный капитал включает активную жизненную позицию, рациональные ориентации, склонность к диалогу и достижительную мотивацию [Bourdieu, 1983], мы полагаем, что работники высокой квалификации оказываются носителями модернистского типа сознания, в то время как разнорабочие и прочие неквалифицированные работники мыслят в рамках традиционалистских категорий.

Это выводит нас на проблематику социетальной культуры, то есть более массовых культурных стереотипов, общих для многих социальных групп [Parsons, 1964; Лапин, 1996], и того, какую роль эта культура играет в поддержании и воспроизводстве образцов поведения и мышления людей, занимающихся попрошайничеством [Бутовская, 2007]. Проведенное исследование показало, что попрошайничество может затягивать людей не всегда по причине крайнего дефицита материальных ресурсов – ряд опрошенных имеют крышу над головой (снимают жилье либо живут у родственников). Хотя здесь требуется количественный анализ, данные, полученные в ходе глубинных интервью, позволяют предположить, что попрошайничество может выступать как сфера деятельности, в которую попадают люди с определенным мировоззрением. Основу этого мировоззрения может составлять традиционалистская культура, которая в сочетании с отмеченными выше индивидуальными предпосылками к девиантной карьере становятся фатальными для статуса и дальнейшего продвижения человека по социальной лестнице. В этой ситуации не спасает даже наличие хороших отношений с местными сообществами и наделенность собственностью и другими ресурсами.

К базовым особенностям традиционной культуры, которые наиболее заметны в среде попрошайничества, относятся следующие: 1) восприятие времени как постоянной категории (а не как континуума, который является важным невозобновляемым ресурсом); 2) отсутствие перспективы планирования; 3) экспрессивное, партикулярное отношение к правилам и дисциплине [Parsons, 1964]; 4) преобладание ценности воспроизводства над ценностью развития¹; 5) отрицательная склонность к сбережению². Яркой иллюстрацией восприятия времени как точки оказалась неспособность большинства информантов назвать точную дату и день недели. Боль-

¹ Подробно о признаках традиционного общества и традиционалистского сознания, рассмотренных в рамках классической теории модернизации, см. в статье [Тихонова и др., 2007].

² Классическая идея модернизации – сложный теоретический концепт, в эволюцию которого внесли вклад представители разных школ на широком эмпирическом материале. В статье [Тихонова и др., 2007] суммируются эти взгляды в виде признаков, которые отличают традиционное общество от современного. Традиционное общество – некий собирательный образ, в основе которого лежит понятие общины (нем. *Gesellschaft*), противопоставленной обществу (*Gemeinschaft*). Традиционная община не однородна – существовало несколько ее форм – античная, германская, азиатская [Маркс, 1968]. Говоря о традиционалистском типе сознания, мы подразумеваем такое мышление, которое воспроизводит культурные стереотипы общины азиатской формы производства.

шинство из них ничего не планирует, а живет «от обстоятельств», то есть «как придется». Соответствующее отношение наблюдается к порядку и правилам. Например, как было показано выше, два информанта имеют право получать трудовую пенсию, однако ни один из них не получает ее – в основном по причине собственной непродуманности.

Отрицательное отношение к развитию выражается в низкой склонности к достижению: так, большая часть информантов признались, что не максимизируют дневной доход, напротив, получив «свое», они покидают «рабочее место». Низкий горизонт планирования, экспрессивное отношение к порядку и склонность к воспроизводству выливается в хроническую неспособность управлять относительно крупными суммами денег (суммами, которые в несколько раз превышают суточную норму, необходимую для поддержания жизни) и вообще любыми запасами. Специфика традиционалистского сознания состоит в том, что люди зачастую воспринимают большие деньги не как ресурс, а как лакомый кусок, который скорее нужно съесть, даже если в этом нет особой необходимости. Выражаясь формально, эта черта традиционалистского сознания характеризуется отрицательной склонностью не только к накоплению, но и к сбережению.

Причем проблема состоит в том, что все эти обозначенные особенности традиционалистского типа мышления себя воспроизводят и влияют на поведение индивидов даже при наличии вполне реальной альтернативы действовать иначе. Усугубляется эта проблема тем, что ареал социального распространения традиционалистской культуры куда шире, чем деятельность попрошайничества. Как показывают результаты исследований [Аникин, 2012], точкой средоточия традиционализма в современной России являются работники, занятые физическим трудом. Причем концентрация традиционалистского типа сознания растет по мере снижения уровня квалификации российских рабочих и становится максимальной в среде разнорабочих, зарабатывающих неквалифицированным трудом и разовыми приработками.

Именно разнорабочие, включающие около 15% трудового населения, выступают основной смежной профессиональной группой по отношению к попрошайничеству. Однако попрошайничество – своего рода черная дыра для разнорабочих. Такое соседство весьма рискованно для тех, кто пока еще имеет отношение к системе формального найма, но в силу культурной и социально-экономической близости двух миров, вынужден оказываться в орбите «духа» попрошайничества.

Здесь очень многое зависит от роли социального государства, которое сейчас фактически не регулирует эту деятельность. Попрошайничество в современной России становится заметным вызовом для социального государства, особенно когда оно провозглашает цели социокультурной и экономической модернизации. Возможно, эта роль должна быть более активной. Необходимо переключиться с политики перераспределения на меры, стимулирующие качественные изменения. Например, в программу действий могут быть включены меры инициативы по просветительской работе с одной группой риска – российскими разнорабочими. Другими словами, девизом новой социальной политики, которая имеет шанс стать оправдательной для наших властей, может стать следующая максима: «Если хочешь вылечить сердце, надо лечить не сердце».

Итак, в статье было доказано, что попрошайничество на паперти в современной России является квазипрофессией с характерными для института профессии признаками – закрытие (осуществляемое в коллективной форме), монополизация деятельности, возможности для индивидуальной девиантной карьеры, профессиональная автономия. При этом попрошайничество нельзя назвать классической профессией, поскольку этот тип деятельности не предполагает оказание услуги или прямого обмена, а также профессионализацию попрошайничества на паперти. Более того, именно паперть препятствует профессионализации этой практики, поскольку, с одной стороны, на паперти затруднена организованная криминализация с тотальным контролем, а с другой – выработан индивидуальный подход ко всем обездоленным и просящим, который поощряет индивидуальную девиацию внутри локального сообщества людей, занимающихся попрошайничеством. Такая внутригрупповая индивидуальная девиация, с одной стороны, позволяет добиваться больших успехов в деятельности, а с другой – выходить из данного сектора экономики уличного уровня.

Говоря о возможностях такого выхода и борьбы с попрошайничеством, рассмотрение последнего в качестве квазипрофессиональной деятельности позволяет рассматривать эту практику в системе других родов деятельности, а также проследить связи с другими профессиональными группами. В статье было доказано, что в отношении попрошайничества как квазипрофессии и ее смежных профессиональных групп, которыми являются преимущественно разнорабочие, такие связи устанавливаются в двух ипостасях: 1) профессиональная мобильность, 2) общность культуры. Видение профессии в системе, в контексте профессиональной структуры является ключевым аспектом государственного регулирования профессий.

Понимание этого требует не простых запретительных мер¹, а комплексного подхода в борьбе с попрошайничеством посредством профилактики маргинализации и люмпенизации в первую очередь неквалифицированных рабочих и других смежных профессиональных групп.

Списание полевых данных

Информант 1. Новоспасский монастырь, муж., 28 лет.

Информант 2. Новоспасский монастырь, муж., 45 лет.

Информант 3. Иоанно-Предтеченский женский монастырь, жен., 55 лет.

Информант 4. Иоанно-Предтеченский женский монастырь, муж., 37 лет.

Информант 5. Богоявленский кафедральный собор в Елохово, муж., 40 лет.

Информант 6. Богоявленский кафедральный собор в Елохово, жен., 48 лет.

Информант 7. Покровский монастырь, жен., 45 лет.

Информант 8. (нищий-фандрайзер), Храм священномученика Климента папы Римского в Замоскворечье, муж., 25 лет.

Информант 9. Богоявленский кафедральный собор в Елохово, муж., 41 год.

Информант 10. Богоявленский кафедральный собор в Елохово, муж., 60 лет.

Список источников

Андреенко Ю.В., Немцов А.В. Оценка индивидуального спроса на алкоголь. Препринт № 89. Препринты из серии «Научные труды ЦЭФИР и РЭШ». М.: ЦЭФИР-РЭШ, 2006.

Аникин В.А. Модернизационный потенциал профессиональной структуры занятого населения России // Экономика и общество. 2011. № 11–12. С. 35–64.

Аникин В.А. Модернизационный потенциал трудовых ресурсов российской экономики // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. Кн. 3. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 296–306.

¹ Имеется в виду метод регулирования маргинальной группы на основе эксклюзии, суть которого состоит в стигматизации девиантных групп, их сегрегации и подавлении [Deertima et al., 2001]. Примером такого подхода социальной политики в отношении попрошайничества являются меры, принятые с августа 2012 года рижской думой, представители которой, ссылаясь на опыт соседнего Вильнюса, ввели полный запрет на попрошайничество в центре города.

Бутовская М.Л., Дьяконов И.Ю., Смирнов А.А., Сальтер Ф.К. Городские нищие в России: итоги этнологических полевых исследований // Язык, культура и общество: сб. науч. ст. и учеб.-метод. материалов / сост.: О.Б. Христофорова, А.В. Дыбо. М.: РГГУ, 2001. С. 73–98.

Бутовская М.Л. Попрошайничество как универсальный феномен человеческой культуры // Этнографическое обозрение. 2007. № 3. С. 3–11.

Гимпельсон В. Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? Препринт WP4/2002/03. М.: ГУ – ВШЭ, 2002.

Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3 (71). С. 26–34.

Кудрявцева М. Драматургия попрошайничества: социологическое описание повседневной практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 3. С. 73–91.

Латин Н.И. Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.

Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 46. Ч. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968.

Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / под ред. Н.Я. Петракова. М.; СПб.: Нестор-История, 2011.

Назаретян А.П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб.: Питер, 2004.

Овчинникова Ю.В. Динамика накопления человеческого капитала на фоне других ресурсов // Народонаселение. 2010. № 1. С. 50–54.

Попова И.П. Новые маргинальные группы в российском обществе // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 62–71.

Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Рябчук Е.Ф. Неформальная занятость в России // Энергия: экономика, техника, экология. 2008. № 9. С. 63–66.

Соловьева З.Р. Реабилитация бездомных: исследование «Ночлежки» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. № 3. С. 92–108.

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий: пересмотр аналитических перспектив // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 25–35.

Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 28–40.

Тихонова Н.Е. Феномен городской бедности в современной России. М.: Летний сад, 2003.

Тихонова Н.Е., Аникин В.А., Горюнова С.В., Лежнина Ю.П. Концепция модернизации в работах классиков социологической мысли второй половины XIX – начала XX века // Социология: методология, методы, математические модели. 2007. № 24. С. 102–129.

Хьюз Э.Ч. Незаконнорожденные институты / пер. с англ. В.Г. Николаева // *Личность. Культура. Общество*. 2009. Т. XI. Вып. 3. № 50–51. С. 55–62.

Adler P.A. and Adler P. Shifts and Oscillations in Deviant Careers: The Case of Upper-Level Drug Dealers and Smugglers // *Social Problems*. 1983. Vol. 31. № 2. P. 195–207.

Adriaenssens S. and Hendrickx J. Street-Level Informal Economic Activities: Estimating the Yield of Begging in Brussels // *Urban Studies Journal Limited*. 2011. Vol. 48. № 1. P. 23–40.

Alcohol in Postwar Europe: Consumption, drinking patterns, consequences and policy responses in 15 European countries. European Comparative Alcohol Study / ed. by T. Norström. Stockholm: Almqvist&Wiksell International, 2002.

Becker S.H. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. NY: The Free Press, 1963.

Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2)* / ed. by Reinhard Kreckel. Göttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198.

Butovskaya M., Diakonov I., Vancatova M., Pavelkova J. Alms-Giving in Modern Urban Societies as a Biosocial Phenomenon: a Cross-Cultural Comparison // *Comparative Civilizations Review*. 2004. № 50. P. 5–22.

Crozier M. *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

Dean H. *Begging Questions: Street Level Economic Activity and Social Policy Failure*. Bristol: Policy Press, 1999.

Deeptima M., Rafique A. and Seeley J. Begging in Rural India and Bangladesh // *Economic and Political Weekly*. 2001. XLV (14). P. 64–71.

Dingwall R. Professions and social Order in a Global Society // *International Review of Sociology*. 1999. Vol. 9. № 1. P. 131–140.

Feige E.L. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // *World Development*. 1990. Vol. 18. № 7. P. 989–1002.

Harrison M. Professional Control as Process: Beyond Structural Theories // *Human Relations*. 1994. Vol. 47 (October). P. 1201–1331.

Hughes E.C. *Men and Their Work*. London: The Free Press of Glencoe, 1958.

Hughes E.C. *The Sociological Eye: Selected Papers*. Chicago, N.Y., 1971.

Kassah A. Begging as Work: a Study of People with Mobility Difficulties in Accra, Ghana // *Disability & Society*. 2008. Vol. 23:2. P. 163–170.

Kirchofer Ch. *Organized Begging in Vienna, Austria: Right-Wing Propaganda, Benevolent Necessity, Illicit Business, Human Smuggling, or Human Trafficking?* Webster University, 2010.

Lloyd R. *Playland: A Study of Boy Prostitution*. London: Blond & Briggs, 1977.

Mansurov V., Yurchenko O., Allsop J., Saks M. *The Anglo-American and Russian Sociology of Professions: Comparisons and Perspectives* // *Knowledge, Work and Society*. Sweden. 2004. Vol. 2. № 2. P. 54–68.

Matsueda R. The Current State of Differential Association Theory // *Crime and Delinquency*. 1988. Vol. 34. № 3 (July). P. 277–306.

Murdoch A. We are Human too: a Study of People Who Beg. London: Crisis, 1994.

Murphy R. Weberian Closure Theory: A Contribution to the Ongoing Assessment // *British Journal of Sociology*. 1986. Vol. 37. № 1. P. 21–41.

Parkin F. Strategies of Social Closure in Class Formation // *The Social Analysis of the Class Structure* / ed. by F. Parkin. L.: Tavistock, 1974. P. 1–18.

Parsons T. The Social System. Glencoe: Free Press, 1964.

Parkin F. Marxism and Class Theory: a Bourgeois Critique. L.: Tavistock, 1979.

Salaman G. Community and Occupation. London: Cambridge University Press, 1974.

Shichor D. and Ellis R. Begging in Israel: An Exploratory Study // *Deviant Behavior*. 1981. 2(2). P. 109–125.

Skipper, J. K. and McCaghy C.H. Stripteasers: the Anatomy and Career Contingencies of a Deviant Occupation // *Social Problems*. 1970. Vol. 17. P. 391–405.

Spencer H. The Principles of Sociology. Vol. III. London: Williams and Norgate, 1896.

Ulmer J.T. Revisiting Stebbins: Labeling and Commitment to Deviance // *The Sociological Quarterly*. 1994. Vol. 35 (1). P. 135–157.

Visano L. Anthony Staging a Deviant Career: the Social Organization of Male Street Prostitution. Toronto: University of Toronto, 1986.

Weber M. Economy and Society / ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. Vol. 1. Berkely: University of California Press, 1978.